
Катрина
Яснева
РАЗВОД
Гори, гори
ясно

Катрина Яснева
Развод. Гори, гори ясно

https://litres.ru/74743457
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, моего мужа видели в детском магазине - он выбирал кроватку для ребенка, и с ним была беременная девушка.

Ни фото, ни видео - только слова, которые приносят боль.

Муж все отрицает. Но можно ли ему верить? Беременная подруга, с которой мы не виделись пару лет, делает странные намеки. Неужели это она?

- Мне не выгоден развод, - говорит муж. - Не хочу делить все нажитое в браке.

- А если бы я сама подала на развод?

- До развода бы не дошло, Ань. Я бы тебя убил.

Он сам смеется над своей глупой шуткой, и я смеюсь.

Но проходит два дня, и вся моя прежняя благополучная жизнь сгорает в огне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Катрина Яснева
Развод. Гори, гори ясно

Глава 1

Анна

Когда раздался телефонный звонок, я возилась с яблочным пирогом на кухне.

В тот момент я и не догадывалась, что моя жизнь уже изменилась навсегда. Я просто отряхнула руки от муки и приняла вызов, не ожидая никакого грома среди ясного неба.

Мне звонила подруга Оксана, и это было самым обычным делом, мы часто созваниваемся.

— Привет, — сказала она. — Я через полчаса заскочу к тебе, надо кое-что рассказать. Ты ведь дома?

— Что случилось? — напряглась я.

— Не телефонный разговор, я лучше приеду.

Оксана действительно приехала через полчаса, запарковала свою машину у ворот. Мы с ней давно дружим, вместе учились в университете, да и наши мужья дружат с тех же времен.

— А у меня как раз яблочный пирог готов, — сказала я. — Садись, будем чай пить.

Оксана пошла за мной на кухню, всю пропитанную этим домашним, уютным ароматом яблок и корицы. Тогда я очень любила пироги с яблоками и корицей. А после нашего с ней разговора не могу есть выпечку с корицей совсем.

По лицу Оксаны было видно: что-то не так. Она всегда была громкой, яркой, с порога вываливала на меня все новости. Кто развелся, кто поправился, кто купил новую машину в кредит ради понтов, чтобы все подумали, что ему просто деньги девать некуда.

Но сегодня Оксана была тихая, задумчивая и выглядела так, как будто всю дорогу репетировала, что скажет.

Я уже понимала, что она не скажет ничего хорошего, но малодушно оттягивала этот момент.

— Тебе какого чая, черного или зеленого? — спросила я и придвинула к ней тарелку с пирогом.

— Зеленого, — ответила Оксана, побарабанила пальцами по столу. — Слушай, Ань. Мне надо тебе кое-что сказать. Только ты сразу не накручивай, ладно? Я вообще сама не очень-то верю. Думаю, это какая-то ошибка.

Сердце екнуло — ну, я так и знала, что-то произошло.

— Оксан, что случилось?

— Да я даже не знаю, говорить или нет, — она поморщилась, будто у нее болел зуб. — Я сначала вообще решила тебе ничего не рассказывать. А потом думаю — нет, ты моя подруга, ты должна знать. А вдруг это правда? Ну как я промолчу?

Так и не набрав воды в чайник, я опустилась на стул напротив.

— Слушай, не тяни. Что случилось? Что — правда?

Оксана вздохнула.

— Ты Марину Савельеву помнишь? Мы с ней в универе учились, но она в другой группе была. Такая, с косой.

— Помню, конечно. А что с ней?

— Да с ней-то ничего. Просто она сейчас в детском магазине работает, консультантом, — Оксана покрутила в руках чашку. — Я ее на той неделе случайно встретила, разговорились. И она мне кое-что рассказала. Ань, я прямо не знала, как вообще реагировать…

— Да что она тебе рассказала, блин?!

— Аркадия твоего она в магазине видела.

Я ничего не поняла.

— Ну, видела и видела. Ты что сказать-то хочешь?

— Ань, — снова вздохнула Оксана и посмотрела мне прямо в глаза. — В детском магазине, в детском. И он там был не один, а с какой-то беременной. Они кроватку выбирали, вот.

В кухне как будто стало тише. Даже холодильник молчал.

— Это не может быть Аркадий, — сказала я ровно. — Наверное, просто похожий на него человек.

— Да я ей то же самое сказала! Слово в слово! — обрадовалась Оксана, как будто я ее поддержала. — Я говорю, Марин, ты обозналась. А она — нет, говорит, я уверена. Я ж, говорит, его узнала сразу.

— Откуда она вообще его знает? Не помню, чтобы они были знакомы.

— Так она с нами тусила пару раз. Давно, может, на первом или втором курсе. Помнишь, мы компанией собирались, когда вы с Аркадием только встречаться начали? Вот она там была. Раз или два всего, но Аркадия запомнила.

Оксана понизила голос, хотя в доме, кроме нас, никого не было.

— И вот она говорит: заходит, мол, мужчина с беременной девушкой, солидный такой, ухоженный. Маринка им кроватки показывала. А он эту беременную Лисенком называл. Обнимал со спины, живот ей гладил и улыбался.

Я молчала. Пирог остывал на столе, и от него все еще шел этот сладкий, приторный запах корицы.

— И вот что интересно, — продолжала Оксана, уже не в силах остановиться, — он-то Марину не узнал. Совсем. Она ему про кроватки впаривает, а он и ухом не ведет, не помнит ее. Оно и понятно — восемь лет прошло, он про нее и думать забыл. Но вот она его все-таки узнала.

— Вот именно, — кивнула я. — Восемь лет она его не видела. За восемь лет человек так меняется, что родная мать не узнает. Аркадий вообще стал сильно старше выглядеть за последние годы, поседел даже на висках. Она обозналась, Оксан, это не мог быть он.

— Я тоже так думаю, — затараторила Оксана. — Сто процентов. Обозналась она. Я ж тебе говорю, я сама не верю.

Поэтому и сомневалась, рассказывать или нет.

Но я уже видела по ее лицу, что она не «сто процентов» так думает. Максимум, процентов на сорок. А остальные шестьдесят процентов отражались у нее в глазах, смотрели на меня с жалостью.

— Кроватку-то они купили? — зачем-то спросила я.

— Нет. Сказали, еще подумают.

Как будто это что-то меняло.

Оксана посидела еще полчаса. Я все-таки заварила ей и себе зеленого чаю, она выпила чашку и съела кусочек пирога — «божественно, Ань, ты кулинарный гений», — и засобиралась. Уже в дверях крепко обняла меня и сказала:

— Ты не накручивай, слышишь? Я, может, зря вообще с этой историей вылезла. Может, молчать надо было. Просто… я бы в такой ситуации предпочла, чтоб мне сказали. Ну, если что.

— Ага, — кивнула я.

Оксана ушла. А я вернулась на кухню, в которой пахло корицей и предательством, хотя никакого предательства, наверное, не было.

Были только слова. Чужие слова, переданные через третьи руки. Марина сказала Оксане, Оксана сказала мне. Испорченный телефон. Так в детстве шепчешь на ухо «солнечный зайчик», а на выходе получается «слюнявый палец».

Я переставила пирог на подоконник, а потом долго мыла руки под горячей водой, хотя они были чистыми.

Какая-то беременная, какая-то кроватка.

Нет. Ну нет же, нет!

У нас с Аркадием хорошая семья. Восемь лет женаты. Дом за городом, который мы строили вместе — то есть строительство, конечно, курировал Аркадий, но я выбирала плитку, обои, я вешала шторы и расставляла книги. Это наш дом, наша жизнь. Я люблю мужа, он любит меня, у нас все хорошо.

У нас есть все, что нужно для полного счастья. Только детей нет.

Я вытерла руки и замерла с полотенцем.

Аркадий всегда хотел сына. Не просто ребенка, а именно сына, наследника. «Ради кого все это, Ань? — как-то сказал он, обводя рукой дом, участок, всю нашу благополучную жизнь. — Кому я все оставлю?»

Он вроде говорил это мечтательно, с надеждой, что однажды все-таки появится тот, кому можно будет оставить все нажитое. Но я каждый раз внутренне сжималась, потому что это звучало, как упрек. Как будто я что-то недоделала, не выполнила условие договора.

А что если Аркадий устал ждать?

Что если он не дождался, когда я наконец рожу ему сына, и решил завести его на стороне?

Я резко и сердито мотнула головой.

Нет, Аркадий не из тех, кто изменяет! Он домашний, надежный, он каждый вечер дома, у него на телефоне даже пароля нет. Аркадий любит меня, он на мне женился, когда я

была нищей студенткой из общаги, без особых перспектив, без денег, без приданого. Если бы ему был нужен только наследник, он бы давно меня бросил! Но он же не бросает.

Значит, Марина обозналась.

Я повторяла себе это весь вечер. Сама поверила — почти.

Глава 2

Анна

Я держалась три дня. Три дня ходила по дому, улыбалась Аркадию, готовила ужины, обсуждала с ним новое бистро, которое он собирался открывать у вокзала. И все это время внутри меня сидел маленький червяк и тихонько грыз.

Лисенок, кроватка, беременная…

На четвертый день я не выдержала.

Аркадий сидел в гостиной с ноутбуком, проверял какие-то накладные. Я подошла, села напротив, в кресло, и сказала как можно небрежнее:

— Слушай, а ты Марину помнишь? Савельеву.

— Кого? — он не поднял глаз от экрана.

— Марину. Мы с ней в универе учились. Она с нами тусовалась когда-то давно, до свадьбы еще.

— Не помню, — он что-то впечатал. — А что?

Я сглотнула.

— Да так. Она тебя недавно видела в детском магазине. С какой-то беременной девушкой. Вы кроватку выбирали.

Вот теперь он поднял глаза.

Я смотрела на его лицо очень внимательно — так внимательно, как никогда раньше. Я ждала, что он дрогнет. Что побледнеет, что отведет взгляд, что в глазах мелькнет пани-

ка. По идее, человек, которого застали врасплох, выдает себя в первую секунду.

Аркадий первую секунду просто смотрел на меня с искренним недоумением, а потом рассмеялся.

— Что за бред? — он откинулся на спинку дивана. — Какая беременная? Какая кроватка? Ань, ты себя слышишь вообще?

— Я просто передаю, что мне сказали.

— Кто сказал? Эта твоя Марина, которую я в глаза не видел? — он покрутил пальцем у виска, но беззлобно, скорее, насмешливо. — Ну, пришел в магазин какой-то похожий на меня чувак с беременной женой, и что? Аня, ну ты взрослый человек. Твоя Марина просто обозналась.

Сказано это было так легко, так естественно, что мне даже стало стыдно. Действительно, ну что я как маленькая? Услышала сплетню через третьи руки и побежала к мужу с допросом.

— Ну да, глупость, конечно, — пробормотала я.

— Глупость, — согласился он. И вдруг отложил ноутбук, посмотрел на меня серьезно. — Ань, иди сюда.

Я пересела к нему на диван. Он взял мою руку.

— Ты пойми одну вещь, — сказал он мягко, как говорят с ребенком. — Я тебе сейчас даже не про любовь скажу. Хотя я тебя люблю, ты знаешь. Я тебе про другое скажу. Про здравый смысл. Люди моего уровня не изменяют. Точнее, не так. Люди моего уровня не разводятся. Понимаешь?

— Не очень.

— Измена — это риск. И путь к разводу. А развод для меня — это что? — Аркадий загнул палец. — Во-первых, раздел имущества. Во-вторых, раздел бизнеса. Дом, сеть бистро — все пополам. Все, что я строил несколько лет, потом и кровью, — взять и поделить?

Он усмехнулся.

— Я что, похож на идиота? Зачем мне это? Мне это невыгодно, Ань. Понимаешь? Не-вы-год-но. Поэтому мы с тобой будем жить вместе долго и счастливо. Пока смерть не разлучит нас.

Он улыбнулся, довольный своей логикой. И, как ни странно, меня это успокоило. Не «я тебя люблю и никогда не предам», а «мне невыгодно с тобой разводиться». Да, это меня успокоило. Потому что в это я поверила сразу. Аркадий всегда умел считать деньги. Это была самая надежная гарантия из всех возможных.

— А если бы я подала на развод? — спросила я вдруг, сама не знаю зачем. — Ну, допустим, влюбилась бы в другого и ушла?

Он нахмурился и пристально посмотрел на меня.

— Я бы тебя убил, — сказал он. — Не было бы развода.

Тишина.

А потом Аркадий расхохотался и притянул меня к себе.

— Шутка, Анют. Шу-у-утка. Ну что ты лицо сразу такое сделала? Да расслабься уже!

Я тоже засмеялась. Получилось, правда, натянуто.

— Дурак, — сказала я и стукнула его кулаком в плечо.

— Дурак, — согласился он и поцеловал меня в макушку.

***

Ночью я долго не могла уснуть. Аркадий спал рядом, ровно дыша, закинув руку за голову, а я лежала и смотрела в темноту.

В конце концов я встала и пошла в ванную.

Включила свет, плеснула в лицо холодной водой. Потом выпрямилась и посмотрела на себя в зеркало.

Оттуда на меня смотрела молодая женщина — двадцать восемь лет, темные волосы до лопаток, синие глаза. Я никогда не страдала ложной скромностью: я знаю, что красива. Аркадий когда-то с ума по мне сходил. Восемь лет назад он буквально проходу мне не давал — звонил, караулил у общаги, дарил цветы, которые я не знала, куда девать в комнате на четверых.

Я смотрела на свое отражение и вспоминала, как мы с Аркадием познакомились. Мы учились вместе в универе, я на мехмате, он на факультете управления и бизнеса, на два года старше. Познакомились мы на студенческой тусовке, где были старшекурсники и куда меня затащила Оксана, которая как раз начала встречаться со Лехой. А Леха был другом и сокурсником Аркадия — так у нас и образовалось две пары.

Аркадий брал меня измором. Я ведь сомневалась, мне бы-

ло двадцать, какое замужество, мне еще учиться и учиться. А он все повторял: «Ты будешь моей женой, Аня. Я знаю это точно».

Разве так ведет себя человек, который потом пойдет налево?

Я смотрела на свое отражение в зеркале и почему-то думала о свекрови.

Наталья Валерьевна меня никогда не любила. С самого начала, с первого дня знакомства. Для нее я была выскочкой, нищенкой из общаги, которая «окрутила» ее драгоценного мальчика. Она никогда не говорила этого прямо, слава богу. Но старательно намекала — и сложно было ее не понять.

«Ты, Анечка, умеешь устраиваться в жизни, вот не отнять у тебя».

«Аркадий-то у нас добытчик, весь в отца. Ну, повезло тебе, конечно».

Он и правда добытчик. Большую часть своего состояния Аркадий заработал сам, уже после нашей свадьбы, когда открыл свое дело — сначала одно кафе-бистро в хорошем проходном месте рядом с универом, потом выросла сеть. Да, бизнес у него хорошо пошел, и мой муж любит говорить, что он человек, который сделал себя сам.

Если вдаваться в детали, то это не совсем верно. Чего бы он добился без поддержки родителей, отличного образования и стартового капитала? Если бы в свое время его отец не дал бы ему денег на открытие первого бистро?

Зато я, по мнению свекрови, кто-то вроде Золушки. Я — из самой обычной, простой семьи, выросла в райцентре. Мама растила меня одна, отец рано умер, и я его, по сути, не знала. Мама и сейчас живет в нашем райцентре, работает учителем математики в школе.

После школы я поехала в город, поступила в университет, жила в общежитии, потом вышла замуж за Аркадия. А когда получила диплом, сначала работала учителем математики в школе, как мама.

Более скучной и ничем не примечательной биографии и не придумаешь, не так ли?

Когда Аркадий стал хорошо зарабатывать, он начал уговаривать меня уйти с работы.

— Школа отнимает у тебя слишком много сил, — говорил он. — А я хочу, чтобы, когда я прихожу домой, меня встречала улыбающаяся жена и готовый ужин.

Я долго сопротивлялась, но потом согласилась пойти на компромисс. Ушла из школы в репетиторство — математика всем нужна, особенно выпускникам, которые хотят хорошо сдать ЕГЭ. Уроки я веду дистанционно и неплохо зарабатываю — во всяком случае, у меня есть личные деньги, чтобы помогать маме. И свободного времени куда больше, чем было, когда я работала в школе, — Аркадий доволен и не ворчит.

Вроде бы, не такая уж я и Золушка? Что бы там ни думала обо мне свекровь.

Однако то, что она считает, будто я села на шею Аркадию и ножки свесила, — это еще полбеды. Гораздо хуже бывает, когда она выдает свое любимое — на каждой встрече:

— Ну когда же вы меня внуками порадуете? Я ведь не молодею.

И поджимает губы.

Как будто это моя личная вина. Моя недоработка. Мое упущение по службе.

А я… господи, если бы она знала! Если бы она знала, сколько я прошла врачей! Сколько анализов сдала, сколько раз сидела в очередях в этих кабинетах, разглядывая плакаты с этапами развития плода!

Я здорова, и Аркадий здоров. Все показатели в норме. «Идиопатическое бесплодие», — сказал последний врач и развел руками. Это значит: мы не знаем, почему, причина не установлена. Просто не получается, бывает.

У меня не очень стабильный цикл. И каждый раз, когда задерживаются критические дни, я начинаю думать: а вдруг? Вдруг сейчас? Вдруг получилось? Я высчитываю срок, прислушиваюсь к себе, ищу признаки. А потом выясняется, что опять ничего не получилось. И так из месяца в месяц, из года в год.

У меня, между прочим, и сейчас эти проклятые критические дни задерживаются! Пока слишком незначительно, всего на пару дней, рано еще начинать надеяться, но я надеюсь, надеюсь все равно!

Я вытерла лицо полотенцем.

Ладно, чего это я вообще вспомнила о свекрови? Не так уж и часто мы с ней видимся. Все эти ее колкости проще игнорировать, не обращать внимания.

Главное, что мы с Аркадием любим друг друга. Он меня любит, правда же? Не может он бегать по детским магазинам и выбирать кроватку с каким-то там Лисенком!

В конце концов, Марина не предоставила никаких доказательств, фото, допустим, или видео, — нет ничего. Только слова.

А глупым, пустым словам я не хочу верить.

Невольно я вспомнила, как в рассказе Марины тот мужик, Лжеаркадий, гладил свою беременную по животу.

Какая трогательная, интимная деталь… Случится ли когда-нибудь такое и в моей жизни?

Я выключила свет и пошла обратно в спальню, легла рядом с мужем. Он, не просыпаясь, повернулся и обнял меня поперек живота — тяжелой, теплой рукой. И я успокоилась.

***

Через два дня, в субботу, мы поехали на шашлыки.

И к нам присоединилась Лиза.

Если бы я знала тогда, к чему это все приведет!

Глава 3

Анна

Мы уже не в первый раз приезжали на эту базу отдыха с пафосным названием «Элита» — Аркадий любит такие места.

— Чтоб без быдла, — говорит он.

Как обычно, мы арендовали домик на сутки, хотя ночевать там никто не собирался: домик нужен был, только чтобы свалить туда сумки и теплые вещи, ну и спрятаться, если вдруг пойдет дождь.

А так весь смысл был снаружи — беседка, мангал, столик, сосны, тишина и воздух, от которого кружится голова.

Приехали тремя машинами. Мы с Аркадием на нашей. Леха с Оксаной — на своей. И Лиза — отдельно, сама за рулем.

Лизу я не видела года два.

Когда-то нас было ровно три пары — мы с Аркадием, Оксана с Лехой и Лиза с Семеном. Мы вместе отмечали дни рождения, вместе ездили на шашлыки, в баню, в Турцию однажды всей толпой.

А потом Лиза с Семеном развелись, Семен уехал в Москву — нашел там какую-то золотую должность, — и Лиза незаметно выпала из нашей компании. Не специально, нет. Про-

сто… так сложилось. Пары дружат с парами.

И вот теперь Лиза вышла из своего старенького матиза — внезапно, рыжая, хотя раньше у нее были русые волосы.

А еще более внезапно — беременная.

У Лизы был вот тако-ой живот, месяцев на семь, не меньше.

И ей это, черт возьми, невероятно шло. Говорят, женщины в положении дурнеют — отекают, покрываются пятнами, расплываются. Лиза, наоборот, расцвела. Кожа сияла, глаза блестели, она вся была какая-то налитая, спелая, довольная собой.

— Лизка, ты что, беременная? — Оксана кинулась ее обнимать. —Ты чего молчала-то?

— А вы и не спрашивали, — засмеялась Лиза, неловко обнимаясь через живот.

Все засуетились, заохали, начали поздравлять. Я тоже поздравила — искренне. Или почти искренне. Где-то на самом дне, под поздравлениями, шевельнулось что-то некрасивое, но я постаралась этого не заметить.

Никто не спросил, кто отец. Это повисло в воздухе — с Семеном-то она два года как в разводе, — но спрашивать в лоб было неловко, и все сделали вид, что так и надо.

Аркадий еще по дороге меня предупредил, что на этот раз с нами будет Лиза. Рассказал, что они встретились случайно на днях, разговорились. И она пожаловалась — скучаю, дескать, по вашей компании, а меня никто не зовет без Се-

мы. Приперла к стенке, по словам Аркадия, и ему ничего не оставалось, как из вежливости пригласить ее присоединиться к нам.

***

На отдыхе время текло медленно.

Мужчины колдовали над мангалом — Аркадий с видом главного специалиста, Леха на подхвате. Мы, девчонки, накрывали на стол, резали овощи, болтали обо все подряд и ни о чем. Пахло дымом и жареным мясом, где-то стучал дятел, было по-настоящему хорошо — так хорошо, что я почти забыла про Марину, про кроватку, про все вот это.

— Ань, а кто из вас за рулем был, когда сюда ехали? — спросила Оксана, нанизывая помидор на шпажку. — Ты же права получила?

— Получила, — кивнула я. — Но за рулем, конечно, Аркадий. Я пока боюсь. У меня сразу ступор, руки-ноги отнимаются. Сама не понимаю, как я экзамен-то сдала. И зачем — тоже не понимаю. Не мое это, водить. Совсем не мое.

— Да ладно, привыкнешь, — отмахнулась Оксана. — Я тоже боялась первый год, а теперь куда без машины.

— Это Аркадий настоял, — сказала я. — Чтоб я выучилась. А я бы и не пошла.

— Правильно настоял, — крикнул от мангала Аркадий. — Большая девочка, а без прав. Стыдобища вообще.

Все засмеялись, и я тоже.

Сели за стол. Посиделки, конечно, были безалкогольными, все же за рулем, так что Аркадий разливал по одноразовым стаканчикам соки и морсы, мы чокались — за встречу, за компанию, за то, что снова все вместе.

Лиза много смеялась, рассказывала какие-то истории. А у меня почему-то все время цеплялся взгляд за то, как Аркадий за ней ухаживает, как подкладывает ей куски шашлыка, придвигает салат. «Лиз, тебе, наверное, нельзя острого? Я в следующей партии отдельно для тебя диетические куски пожарю».

— Какой ты заботливый, Аркаш, — сказала Лиза.

И я замерла с вилкой в воздухе.

Аркаша? Нет, серьезно?

Мой муж терпеть не может, когда его так называют. До трясучки ненавидит.

— Аркаша — это имя для дворника или для алкаша, — обычно говорит он. — Я Аркадий.

Он поправляет всех — друзей, партнеров, даже собственную мать, которая по старой памяти иногда сбивается. Он однажды на корпоративе устроил страшный разнос управляющему, который панибратски бросил ему: «Аркаш, ну ты чего». Я своими глазами видела, как у мужа белеют крылья носа, когда кто-то его так называет.

Я приготовилась. Ну, сейчас будет.

А Аркадий… ничего.

Он даже не моргнул. Как будто не услышал. Как будто это

было в порядке вещей.

Я медленно опустила вилку.

— Лиза, слушай, а тебе не страшно за город ездить? — спросил Леха. — Тебе ж скоро рожать.

— Да у меня еще два месяца, — отмахнулась Лиза. — А рожу — всё, привет, никуда уже не вырвешься. С младенцем-то. Так что я сейчас момент ловлю. Гуляю, пока гуляется.

Я подумала, что это как-то… безответственно, да? Семь месяцев, одна за рулем, за городом, на развалюхе своей. Случись что — и где тут скорая? Но вслух я, конечно, ничего не сказала. Не мое дело.

Мужчины снова отошли к мангалу — менять очередную партию, чтоб не сгорела. Мы остались втроем: я, Оксана и Лиза.

И Оксана, как обычно, не выдержала.

— Лиз, а чего вы с Семой разбежались-то? — спросила она, понизив голос. — Вы ж такие хорошие были.

— А, — Лиза махнула рукой. — Не сошлись характерами.

— А кто отец ребенка-то? — Оксана придвинулась. — И почему замуж не выходишь, тебе ж рожать вот-вот?

Я думала, Лиза отшутится опять. Но она вдруг помрачнела. Поковыряла вилкой в салате и сказала — резко, с какой-то злостью:

— Отец ребенка женат.

Мы с Оксаной переглянулись.

— Женат, — повторила Лиза. — И разводиться не собирается. Потому что не бедный человек. А развод — это дележ. Все, что нажито непосильным трудом за годы брака, придется, короче, с женой делить. И дом, и имущество, и бизнес. Кому ж охота?

Лиза усмехнулась, помолчала.

— Вот и сидит на двух стульях, — добавила она. — Хотя ребенка очень ждет, сына хочет. У них с женой детей нет.

У меня внутри что-то оборвалось.

Я сидела и смотрела на свой одноразовый стакан. Сок в нем чуть подрагивал — потому что у меня тряслись руки.

Женат, разводиться не собирается. Дележ.

Примерно то же самое мне говорил Аркадий несколько дней назад, сидя на диване в нашей гостиной. Про невыгодность развода. Про дележ бизнеса.

А еще Аркадий очень хочет сына. И с женой, то есть, со мной, у него детей нет.

Что за дурацкое совпадение?

Потому что это, конечно, совпадение. Ведь так думает не только Аркадий, так думают все богатые мужики. Это типичная история, их таких пол-России. Женатый предатель, который не хочет делить имущество. Банальщина из дешевого сериала. Это ничего не значит.

Только вот Лиза беременна.

И в магазине была беременная девушка. Которую тот мужик называл Лисенком.

Лиза. Лиса. Лисенок. Да?

Нет! Нет, это уже паранойя. Я схожу с ума. Лисенок — это просто… ну, ласковое прозвище. Мало ли беременных, которых так называют? И «Лисенок» от «Лизы» вообще не образуется, это разные слова, я просто притягиваю за уши!

Аня, ну хватит, ну все, прекрати!

— Ой, что-то я разоткровенничалась, — сказала Лиза и встала. — Пойду пройдусь, ноги затекли. Беременным надо двигаться.

Она ушла в сторону сосен, переваливаясь, держась за поясницу. Мы с Оксаной остались вдвоем.

— Слушай, — Оксана наклонилась ко мне и зашептала, провожая Лизу взглядом. — Она какая-то нервная. Тебе не кажется, что она нам завидует?

— В смысле?

— Ну, смотри, — Оксана начала загибать пальцы. — У нас есть мужья. И у вашей семьи, и у нашей — свой дом за городом. Машины дорогие, достаток. А она? Развелась, осталась с голой задницей — Семен-то все себе отсудил, как добрачное имущество. Теперь вообще связалась с каким-то женатиком, забеременела непонятно от кого. И ты на тачку ее посмотри — матиз, ему сто лет в обед, он же разваливается на ходу…

— Оксан, не надо так, — ответила я тихо. — Беременные все нервные, у них гормоны.

Оксана пожала плечами и потянулась за соком.

— Просто я же вижу, завидует, — буркнула она.

А я сидела и думала совсем о другом.

Я думала: это не она нам завидует. Это я ей завидую. Сижу тут, замужняя, обеспеченная, с домом и машиной, и завидую разведенке на матизе.

Потому что у нее под сердцем — ребенок. А у меня — пустота, которую я ношу уже столько лет и каждый месяц проверяю, не появилось ли там наконец что-нибудь живое.

И еще я смотрела на Аркадия — как он стоит у мангала, как поворачивает шампуры, как оборачивается на сосны, в которых скрылась Лиза.

Я не понимала, зачем он ее сюда позвал.

А вот мой внутренний голос надрывался от крика: «У меня плохое предчувствие!»

Глава 4

Анна

Мне нужно было в домик — накинуть ветровку, к вечеру похолодало. Аркадий зашел вместе со мной, чтобы взять телефон.

Там, в полутемном домике, который пах сосновой смолой, я снова не сдержалась.

— Ты слышал, — сказала я, копаясь в сумке, — как Лиза тебя сегодня Аркашей назвала?

— И что? — он стоял у окна спиной ко мне и тыкал пальцем в экран телефона.

— Да ничего. Просто ты обычно за это голову откручиваешь. А тут ноль реакции. Я аж удивилась.

Я сказала это легко, в шутку, но сразу пожалела. Потому что Аркадий повернулся, и лицо у него было нехорошее.

— А что я должен был сделать? — спросил он. — Скандал закатить беременной бабе? Наорать на нее?

— Да я не…

— Я просто тактично промолчал, — Аркадий говорил все громче. — Сделал вид, что все нормально. Да, я не выношу, когда меня так называют, ты прекрасно знаешь. Лехе бы я не позволил. Оксане бы не позволил. Тебе бы не позволил тем более! Но тут — особый случай. Девушка на седьмом меся-

це. Ты хочешь, чтоб я повел себя как неадекватный придурок и набросился на нее?

— Нет, конечно, — пробормотала я. — Ладно, забудь. Я вообще зря это сказала.

— Вот именно, — фыркнул он.

Мне стало стыдно. Действительно — что я к нему привязалась? Беременная женщина назвала его Аркашей, он повел себя по-человечески, а я ему за это претензию выкатила. А всё эта Маринина история, которую мне Оксана зачем-то вывалила, — из-за нее я теперь во всем вижу второе дно. Подозреваю мужа на пустом месте, превращаюсь в истеричку.

Я подошла к Аркадию, обняла его сзади, прижалась щекой к спине.

— Не злись, — сказала я тихо.

Я почувствовала, как он напрягся. А потом он молча снял мои руки со своей шеи. Не грубо. Просто снял.

— Не сейчас, Ань, — сказал он. — Настроения нет.

И вышел из домика.

Я стояла одна в темноте, держала в руках ветровку. Глупо, но мне хотелось плакать из-за того, как он снял мои руки.

Раньше он так не делал.

***

Пора было разъезжаться.

Первыми засобирались Леха с Оксаной — у них с утра какие-то дела, надо выспаться. Обнялись, расцеловались, по-

обещали скоро повторить. Оксана на прощание шепнула мне на ухо: «Ты, главное, себя не накручивай по поводу этой кроватки, все будет хорошо», — и они уехали.

Мы остались втроем. Аркадий пошел на стоянку — сказал, надо что-то забрать из нашей машины, зарядку, вроде.

Лиза и я собирали грязную посуду со стола.

Вот тут-то и началось.

Сначала по мелочи. Я сложила одноразовые тарелки в пакет, она сказала: «Ой, а ты, оказывается, и убираться умеешь. Я думала, у вас прислуга». Я промолчала, хотя внутри все начало закипать.

Потом снова, когда я заворачивала остатки мяса: «Прислуге отдашь?».

— Лиз, ты чего? — разозлилась я.

— А что я? — она невинно подняла брови. — Я ничего. Это ты у нас вся такая идеальная жена, дом — полная чаша. А чем ты лучше других-то, Ань? Чем ты заслужила-то это все?

— Лиза, ты о чем вообще?

— Да ни о чем! — она усмехнулась, и в глазах у нее блеснуло что-то злое, торжествующее. — Сидишь тут, нос задрала.

— Знаешь что? — я почувствовала, как краснею от злости. — Я тебе вообще-то ничего плохого не сделала! Какого черта ты на меня кидаешься?

Лиза вдруг изменилась в лице, прижала руку к груди.

— Ой, Ань. Прости! — голос у нее стал виноватый, жалкий. — Сама не знаю, что на меня нашло. Это гормоны, честное слово. Я сейчас как чокнутая, на всех бросаюсь. Прости, пожалуйста. Я не хотела.

Я смотрела на нее и не понимала ничего.

В этот момент во мне что-то щелкнуло. Хватит. Хватит мучиться, гадать, притягивать за уши, развивать паранойю. Я сейчас просто спрошу в лоб. Лиза, это ты была в магазине с моим мужем? Это тебя он называл Лисенком? Это от него ты беременна? Спрошу — и все прояснится. Или она засмеется мне в лицо, и я наконец успокоюсь, или…

Я открыла рот.

— Лиза, я хочу тебя спросить…

Но вернулся Аркадий.

— Готовы? — крикнул он еще от тропинки. — Поехали потихоньку, поздно уже.

В ту же секунду Лиза ахнула. Громко, протяжно, схватилась обеими руками за живот, согнулась.

— Ой… ой, мамочки… — простонала она. — Что-то… больно… ой, как больно…

— Что? — Аркадий подбежал. — Лиза, что?

— Тянет… ой… снизу тянет… — она села на скамейку, цепляясь за него. — Аркадий, мне плохо…

Он мгновенно собрался.

— Так. Едем. Срочно. Скорая сюда полчаса будет тащиться, я сам тебя довезу — в город, в роддом. Держись.

— Может, скорую все-таки? — выдавила я.

— Какую скорую, Ань? — рявкнул он. — Бегом добежать быстрее, чем их дождаться!

Лиза легла на скамейку и всхлипнула.

— Ох, малыш…

Он поднял на меня взгляд.

— Ань, бери нашу машину и езжай домой.

Я похолодела.

— Что? Я? Сама? За рулем?

— Ну, а кто? Я Лизу повезу на ее машине, до роддома доедем, потом домой на такси доберусь. Чего мне крюк делать, к тебе сюда возвращаться? От города до дома ближе, чем сюда мотаться. Бери машину и поезжай.

— Аркадий, я не могу, — я почти умоляла. — Я ни разу одна не ездила! Только с инструктором! Я боюсь!

— Господи, Аня! — он схватил мой телефон со стола, разблокировал и принялся в нем копаться. — Короче, я тебе навигатор настраиваю, поедешь прямо по стрелочке, тут одна дорога, заблудиться невозможно. Хватит из себя принцессу строить! Ты что, не видишь — человеку плохо, ребенок в опасности, а ты со своими глупыми страхами носишься!

Он сунул мне телефон. На экране светилась карта, зеленая нитка маршрута тянулась от базы до нашего дома.

— Аркадий, пожалуйста, поехали! — застонала Лиза, держась за живот. — Я не могу идти… не могу встать…

Аркадий наклонился, подхватил ее под спину и под коле-

ни и поднял на руки.

Просто поднял на руки, прижал к груди и понес к стоянке.

А я стояла и смотрела ему в спину. Смотрела, как мой муж несет на руках другую женщину — бережно, крепко. Как она обхватила его за шею, как уткнулась лицом ему в плечо.

Кто-то очень злой внутри меня заскрипел зубами, но я постаралась взять себя в руки.

«Лизе плохо, — сказала я себе. — С ребенком плохо. Она сама идти не может. Аркадий просто поступает по-человечески. Любой бы так поступил».

Я накинула ветровку, взяла в руки свой телефон и пошла за ними.

Я смотрела, как он устраивает Лизу на заднем сиденье матиза. Садится за руль. Захлопывает дверь.

Маленькая красная развалюха фыркнула, завелась и покатила к воротам.

Я осталась одна.

Происходящее мне совсем не нравилось...

Глава 5

Анна

Я простояла рядом с нашей машиной минут пять, не меньше. Держалась за ручку двери и уговаривала себя.

«Ну и что, что большой внедорожник? Ну и что, им сложнее управлять? Это просто машина. Ты сдала экзамен. Ты умеешь. Тут одна дорога, заблудиться невозможно, Аркадий правильно сказал. Сядешь, поедешь медленно, по навигатору, и через полчаса будешь дома. Ничего страшного. Люди каждый день ездят. Миллионы людей. Ты что, глупее их?»

Летние дни — длинные, но все-таки день клонился к вечеру, и лучше было не торчать тут, как столб, а ехать, пока не стемнело. Ехать в темноте я боялась еще больше, чем по светлому. Значит, надо взять себя в руки и просто сделать это, вот и все.

Я открыла дверь и села за руль.

Воткнула телефон в держатель — Аркадий, надо отдать ему должное, все настроил, желто-золотая стрелочка указывала путь. Женский голос в навигаторе сообщил мне, что маршрут построен. Я пристегнулась, взялась за руль. Ладони тут же вспотели.

Повернула ключ — двигатель не завелся.

Сердце ухнуло вниз. Я повернула еще раз — мотор чихнул

и заглох. Я вытащила ключи и снова вставила. Руки тряслись так, что я едва попадала, куда надо.

«Я криворукая, — подумала в панике. — Машина всегда заводится с пол-оборота, это я что-то делаю не так, я же ничего не умею…»

С третьего раза мотор ровно загудел.

Я выдохнула. Вытерла ладони о джинсы. «Все, поехали. Тихонько».

Я тронулась — рывком, машина дернулась, я чуть не заглохла снова, но удержала. Выехала со стоянки. Вырулила на дорогу. Навигатор бодро сказал: «Через двести метров поверните направо».

Я ползла сорок километров в час и с такой же скоростью вырулила на трассу.

Это, конечно, была не та скорость, на которой ездят по трассе. Меня обгоняли. Все. Фуры, легковушки, какой-то наглый джип пронесся так близко, что машину качнуло воздушной волной, и я вцепилась в руль до белых костяшек. Кто-то сигналил. Длинно, раздраженно — мол, чего еле ползешь, дура, освободи дорогу. От каждого гудка я вздрагивала, и от этого ехала еще хуже, еще медленнее, еще неувереннее. По спине тек пот, сердце колотилось где-то в горле.

«Господи, ну скорее бы поворот. Скорее бы съехать с трассы».

Прошла, кажется, вечность, прежде чем навигатор сообщил: «Поверните направо». Я свернула — и сразу стало лег-

че дышать.

Эта дорога ведет только к нашему коттеджному поселку. Узкая, в две полосы, по обеим сторонам — густые посадки, высокие деревья сходятся над головой, и кажется, что едешь по тоннелю из листвы.

Сейчас машин здесь не было совсем, ни одной, слава тебе господи. Тихо, пусто, только мой мотор урчит.

Я поехала чуть увереннее. Даже плечи немного опустила — а то они у меня были подняты к ушам. Еще минут десять-двенадцать на такой скорости, и я дома. Дома! Запру дверь, налью себе чаю, дождусь Аркадия.

Аркадий сейчас везет Лизу в роддом. Он, кажется, по-человечески за нее волнуется…

«Или за ребенка, потому что это его ребенок», — добавил злой голос внутри меня, и я не смогла его заткнуть.

В следующую секунду на дорогу выскочил заяц.

Серый комочек метнулся из посадок прямо под колеса. Я заорала и вдавила тормоз в пол. Машину мотнуло, ремень врезался в грудь, в глазах потемнело — и я наконец остановилось.

Тишина.

Заяц сидел на обочине. Целый. Посмотрел на меня круглым глазом — и нырнул обратно в кусты, только хвост мелькнул.

Я выдохнула. Меня всю трясло. Сердце билось так, что больно было груди. Руки на руле дрожали мелко-мелко, как

в ознобе.

Не сбила. Слава богу, не сбила, живой.

Но ехать дальше я не могла. Просто физически не могла. Меня колотило, перед глазами плыло.

Глушить мотор я боялась — была уверена, что потом не заведу. Поставила машину на ручник и вывалилась наружу, на воздух.

Постояла, держась за дверцу машины. Подышала. Воздух пах хвоей и сырой землей, и от этого немного отпустило.

Я закрыла дверь и отошла от машины. Прошлась вдоль обочины — туда, обратно, снова туда. Ноги были ватными. Я обхватила себя руками — не столько холодно, сколько жутко.

В голове против воли закрутилось всё разом.

Как Аркадий нес Лизу на руках. Как он снял мои руки со своей шеи.

«Не сейчас, Ань».

«Хватит из себя принцессу строить».

«Какой ты заботливый, Аркаш».

«Отец ребенка женат».

«Развод — это дележ».

«Все придется делить, и дом, и бизнес».

«Ребенка очень ждет, сына хочет».

«У них с женой детей нет».

Лисенок.

Лиза.

Лиса.

Перекрасилась в рыжий.

Беременная, магазин, кроватка.

Я остановилась посреди дороги и закрыла лицо руками. Хватит врать себе. Хватит!

Это она. Это же Лиза. Это с ней Аркадий кроватку выбирал. Это ее он называл Лисенком. Это от нее ребенка ждет мой муж — ждет сына и наследника, ради которого он, по его же словам, все это строит.

А я за восемь лет брака не смогла родить.

Я стояла на пустой дороге и думала: вот и всё. Вот и приехали. И самое страшное — я ведь даже не злилась. Я просто чувствовала, как из меня вытекает что-то, чем я жила восемь лет. Тихо так вытекает, без крика.

И еще я подумала — совсем не к месту, дико, — что у меня уже три или четыре дня как должны были начаться месячные. А их нет, задержка. Да, такое и раньше бывало, но…

Я усмехнулась в темноту, горько так усмехнулась. Вот ирония, да? Вот ведь будет пошлая, дешевая мелодрама: Лиза беременна от Аркадия, и я тоже беременна от Аркадия. Две беременные на одного мужика. Сюжет для дневного ток-шоу. «А теперь, дорогие зрители, ДНК-тест покажет…»

И что тогда? Развод, понятное дело. Тот самый дележ, которого он так боится. Дом и бизнес поделим пополам. А потом? Мать-одиночка с ребенком на руках?

«Ну и пусть, — подумала я со злостью. — Мама же меня

одна вырастила. Отца я толком и не знала, но мама справилась. Подняла меня одна. И я подниму, не пропадем».

От этой мысли сразу стало легче. Как будто я впервые за восемь лет посмотрела вперед и увидела там не Аркадия, а себя.

Я повернулась и пошла обратно к машине.

Идти было метров пятнадцать, может, двадцать. Машина стояла на обочине, фары горели, мотор тихо урчал, выхлоп клубился белым в прохладном воздухе. Я шла по обочине, под ногами иногда что-то хрустело, а я думала: ладно. Сейчас сяду. Доеду. Дома разберемся.

Спрошу его прямо, в лоб, без всяких хождений вокруг да около. Не позволю и дальше делать из себя дуру!

Я была уже не так далеко от машины, и в этот момент…

***

Машина взорвалась, и грохот словно ударил — оглушительный, плотный, такой, что я его даже не услышала, а почувствовала всем телом.

Доля секунды.

И весь мир вспыхнул.

Полыхнул огнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.